

**УИЛЬЯМ Л. ПИТИРИМ СОРОКИН:
СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ
И СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ**

.....

В.Ф. Чеснокова¹

Книга Питирима Александровича Сорокина «Социальная мобильность» [1], впервые опубликованная в 1927 г., до сих пор пользуется благосклонностью у всех социологов: и теоретиков, и эмпириков. В ней изложено то, что позднее Роберт Мертон назвал теорией среднего уровня.

В этой книге основательную разработку и уточнение получает многозначное, как указывал П.А. Сорокин, понятие класса. Одни авторы делили людей на «богатых» и «бедных», другие — на «власть имущих» и «угнетенных», третьи фокусировались на профессиональной стратификации, а такие авторы, как А. Смит, К. Маркс и К. Каутский, оперировали совокупностью характеристик класса. В результате определения получались либо слишком бедные, либо слишком расплывчатыми. П.А. Сорокин предложил при исследовании стратификации учитывать каждую характеристику отдельно: тогда выявляется определенная структура, которую затем можно «собрать» и интерпретировать в терминах класса, либо вообще этим термином не пользоваться.

Определить положение индивида в социальном пространстве можно только по отношению его к другим людям и социальным объектам (а также по обратному отношению — других людей и социальных объектов к индивиду). К социальным явлениям относятся здесь более всего социальные группы, которые в свою очередь связаны друг с другом определенным образом (имеют отношения друг с другом) внутри населения (популяции) определенной стра-

---

¹ Чеснокова Валентина Федоровна — старший специалист Фонда «Общественное мнение».

Публикуемый с разрешения автора текст представляет собой фрагмент посвященной П.А. Сорокину главы (лекции) из готовящейся к печати книги: Чеснокова В.Ф. Язык социологии: Курс лекций для факультета церковной журналистики.

Статья принята к публикации 14.02.2007 г.

ны. Популяции, связанные между собой определенным образом, включаются в народонаселение земли.

В социальном пространстве выделяются два основных измерения: горизонтальное и вертикальное. Горизонтальное измерение фиксирует вхождение индивида в определенную группу, например, католиков, демократов, итальянцев, немцев или русских, рабочих, врачей или художников. Простое отнесение индивида к группе, конечно, ничего не говорит о его положении внутри группы: занимает он рядовые или руководящие позиции, пользуется уважением или выслушивает порицания, какой он имеет доход по сравнению с другими членами этой группы и т.д. Если говорить о совокупном социальном статусе человека, то надо учесть и положение его группы в вертикальном измерении относительно других групп. Например, положение группы врачей и группы рабочих различно в социальной иерархии общества.

И здесь возникает вопрос о расстоянии между людьми по вертикали внутри одной и той же группы (и расстояниями между группами в пространстве общества), о *профиле социальной стратификации* в данной группе на данный момент и о его колебаниях во времени. При этом Сорокин предостерегает от оценочного подхода к неравенству выше/ниже. Не следует выплескивать слишком много моральных чувств по поводу того, что тем, кто «наверху», — лучше, а тем, кто «внизу», — хуже. Не следует думать, что все вертикальные различия между людьми нужно немедленно устранить и навести всеобщее равенство. Социальные факты — очень упрямая вещь. Можно записать большими буквами в Конституции, Декларации прав и прочих основополагающих документах, что все люди такой-то страны равны. Но это совершенно никак не повлияет на их реальное положение в социальном пространстве.

«Социальная стратификация означает дифференциацию некой данной совокупности людей на иерархически соподчиненные классы. Она проявляется в наличии высших и низших слоев. Ее основа и сама сущность состоит в неравномерном распределении прав и привилегий, обязанностей и ответственности, социальных благ и лишений, социальной власти и влияния среди членов того или иного сообщества» [1, с. 9]. Сорокин выделяет три основания стратификации: экономическое (по состоятельности), политическое (по наличию власти, влияния) и профессиональное (по положению человека внутри своей профессии, а также по положению его профессии в обществе).

Важное утверждение автора гласит: «Любая организованная социальная группа всегда является социально стратифицированной совокупностью» [1, с. 11]. Нужно сказать, что для западного общества, особенно для общества США, понятие равенства имеет огромную социальную ценность. Оно относится к основополагающим осям, на которых держится западная культура. Можно спорить о том, была ли заложена ценность равенства в западную культуру изначально, или она оформилась в таком высоком ранге только в период

утверждения протестантизма и относится к той самой «личности», которую нам всегда ставили в пример российские интеллигенты (и которая, безусловно, была создана протестантской этикой). Поэтому с точки зрения простого человека (и «простого ученого»), неравенство — это болезнь общества, требующая лечения. В некоторых вариантах эволюционной теории также предполагается, что в том светлом и разумном обществе (в прекрасном будущем), к которому мы все движемся, неравенство будет окончательно устранено, постольку оно несправедливо и неразумно. История знает множество коллизий, произошедших из-за того, что влиятельные силы никак не хотели признать, что стратификация — это механизм, работающий в обществе и осуществляющий какие-то функции. П.А. Сорокин, предупреждая сопротивление, с самого начала четко заявляет свою позицию: все общества, в том числе устремленные к социализму и коммунизму, непременно создают стратификацию, независимо от своих идеологических лозунгов и убеждений.

Далее он разрушает еще одну иллюзию: будто человечество движется от сильного *экономического неравенства* к обществу экономически равных граждан, в котором постепенно уменьшается расстояние между «верхом» и «низом». Опираясь фактами (а фактов он всегда имел в своем распоряжении огромное количество), П.А. Сорокин показывает, что никакого однонаправленного движения в процессе истории нет. За исключением отдельных периодов социальных катаклизмов и разрушения социальной структуры, стратификация сохраняется — меняются формы, но профиль не меняется. В богатых странах люди (слава Богу) не умирают с голоду, но различие в экономическом положении между бедным и каким-нибудь президентом крупной нефтяной компании стало несколько не меньше, скорее больше того, которое было в те времена, когда и в этих странах люди умирали от голода. Привлекая данные о разных периодах истории и разных странах, включая Индию, Китай, Египет, П.А. Сорокин приходит к выводу, что профиль стратификации (в данном случае экономической) обнаруживает *ненаправленные флуктуации*, т. е. временные небольшие повышения и понижения, бессистемные качания вокруг каких-то устойчивых точек. Цифровой проверки не выдерживают ни гипотеза В. Парето (о том, что стратификация во все времена и во всех странах остается принципиально неизменной), ни гипотеза К. Маркса (о том, что происходит обнищание масс, а следовательно, усиливается экономическая дифференциация), ни гипотезы современных П.А. Сорокину (а отчасти и нам) ученых, разделяющих мнение об уплощении стратификации и нарастании равенства.

Действительно, на ранних этапах первобытного общества экономическая дифференциация была незначительной, с развитием она увеличивалась, но, «достигнув своей кульминационной точки, она начинала видоизменяться и иногда разрушалась» [1, с. 53]. Можно отметить только определенную корреляцию между интенсификацией развития экономики и увеличением уровня

стратификации по этому показателю. Общий же вывод из анализа этого элемента стратификации таков: «в нормальных условиях, при отсутствии каких-либо социальных потрясений, в обществе, которое... является сложным по своей структуре и знакомо с институтом частной собственности, колебания высоты и профиля экономической стратификации имеют ограничения» [1, с. 49]. «Однако в чрезвычайных условиях эти ограничения могут быть преодолены, и профиль экономической стратификации может стать либо необычайно плоским, либо необычайно крутым. В обоих случаях, тем не менее, подобная ситуация очень кратковременна. Если “экономически плоское общество” не погибает, “уплощенность” очень скоро сменяется возрастанием экономической стратификации. Если экономическое неравенство становится слишком значительным и достигает точки чрезмерного напряжения, верхушка общества обречена на свержение и уничтожение» [1, с. 56].

В XVIII–XX вв. господствует представление в том, что политическое неравенство уменьшается вместе с экономическим, однако с *политической стратификацией* работать социологу сложнее, чем с экономической, поскольку политическое неравенство труднее измерить. «Основной лозунг нашего времени: “Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах” (французская Декларация прав человека и гражданина 1791 г.). Или: “Мы считаем самоочевидными истинами: все люди созданы равными и наделены Творцом определенными неотъемлемыми правами, к числу которых относится право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью” (американская Декларация независимости 1776 г.)» [1, с. 63]. Действительно, волна демократизации, как выражается Сорокин, распространяется по всем континентам. Равенство фактически устанавливается до введения закона о равенстве, распространяется все дальше «и стремится положить конец всем расовым, национальным и профессиональным различиям, всем экономическим и каким бы то ни было другим привилегиям» [1, с. 63].

Но одно дело декларации и юридические права, а другое — реальная жизнь. На производстве не рабочий распоряжается мастером, а мастер рабочим. Директор корпорации может уволить клерка, а клерк не может уволить директора корпорации. Ссылаясь на ряд авторитетных социологов, П.А. Сорокин утверждает, что даже при действенной защите избирательных прав декларациями и законами лишь очень небольшой процент людей живо и постоянно интересуются политикой. Этот процент, по-видимому, таковым и останется в будущем, а потому, цитирует П.А. Сорокин Дж. Брайса [2], «управление делами неизбежно переходит в руки небольшого количества людей», и «свободное правительство не может быть ничем иным, кроме как олигархией внутри демократии» [1, с. 71].

П.А. Сорокин приходит к выводу, что политическая дифференциация положительно связана с двумя основными факторами: с размером политической

организации и разнородностью входящих в нее членов [1, с. 76]. Общий вывод таков: «Не существует постоянной тенденции перехода от монархии к республике, от автократии к демократии, от правления меньшинства к правлению большинства, от отсутствия правительственного вмешательства ко всеобщему государственному контролю, как не существует и тенденции, действующей в обратном направлении... Профиль политической стратификации более гибок и варьируется в более широких пределах, а также меняется гораздо чаще и более внезапно, чем профиль стратификации экономической... Когда качание профиля в каком-либо из направлений становится слишком сильным, противоположные силы разными способами увеличивают свою мощность и вызывают возвращение профиля стратификации к точке его равновесия» [1, с. 86].

В *профессиональной стратификации* П.А. Сорокин выделяет два показателя, которые «по-видимому, всегда были основополагающими: 1) значимость той или иной профессии с точки зрения выживания и сохранения группы как некой целостности; 2) уровень интеллекта, необходимый для успешного выполнения профессиональных обязанностей. Социально значимые профессии — это те профессии, которые связаны с функциями организации группы и контроля над ней» [1, с. 89].

Место в профессиональной стратификации определяется характером подчинения низших подгрупп (мелкие служащие, наемные работники, так называемое техобслуживание) высшей группе, зависимостью нижних слоев от высших и, наконец, разницей в оплате нижних и высших должностей в данной профессии. Профиль профессиональной стратификации определяет еще «этажность», т.е. количество рангов в иерархии. В конечном счете П.А. Сорокин приходит к выводу, аналогичному тому, который был сделан относительно экономической и политической стратификации: профили профессиональной стратификации колеблются, не обнаруживая никакой отчетливо наблюдаемой направленности. Те же ненаправленные флуктуации.

Движение внутри пространства социальной стратификации было названо социальной мобильностью. Простейшее определение *социальной мобильности*, по Сорокину, звучит так: «Под социальной мобильностью понимается любое перемещение индивидуального или социального объекта или ценности — всего, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, — из одного положения в другое» [1, с. 119]. К социальным объектам могут относиться и предметы, и идеи, но наиболее важны социальные группы, которые также движутся в этом пространстве.

Мобильность бывает горизонтальная и вертикальная. Под горизонтальной мобильностью понимается движение внутри одного и того же социального слоя: например, переход рабочего с одного предприятия на другое (находящееся примерно в таких же условиях и в таком же ранге, как и то, которое он покинул) не изменяет его статуса. Под вертикальной же мобильностью под-

разумеается переход индивида (или другого социального объекта) из одного социального пласта (или, как принято теперь называть, страты) в другой. При этом у претерпевшего мобильность объекта качественно меняется положение в обществе и отношения с другими людьми и социальными объектами.

Социальная мобильность в обществе измеряется у Сорокина интенсивностью и охватом. Под интенсивностью понимается число социальных страт, пройденных индивидом в движении вверх и вниз, а под охватом — число лиц, осуществляющих такие перемещения. Существует еще одна характеристика: *проницаемость* социальных страт для движущихся индивидов и групп. Проницаемость весьма различна в разных обществах и в разные периоды, однако не было в истории обществ, в которых социальные страты были бы совершенно непроницаемы для движения индивидов. Но не было и таких обществ, в которых мобильность осуществлялась бы безо всяких ограничений. Причем заметной тенденции от закрытости к открытости перемещений не наблюдается. Если в Индии перегородки между кастами были очень жесткие (но тем не менее их обходили разными способами), то в то же примерно время в Китае человек любого социального положения мог, обучившись и сдав положенные экзамены, получить высокую должность при дворе. Другое дело, что сдать эти экзамены было трудно, но это уже был вопрос способностей: способные проходили этот отбор.

Также различается мобильность восходящая и нисходящая, при этом подниматься или опускаться могут как индивиды, так и целые группы. *Каналы социальной мобильности*, по которым осуществляется перемещение индивидов и групп, разнообразны, но некоторые присутствуют практически во всех обществах. Прежде всего это *армия*, которая может возвести человека до самых верхов, особенно в период военных действий, когда наиболее ярко выступают способности индивидов. Например, из 65 византийских императоров 12 достигли своих высот благодаря армии. Основателям династий Меровингов и Каролингов также помогла выдвинуться служба в армии. «Бесчисленное множество средневековых рабов, разбойников, крепостных и людей простого происхождения таким же образом стали дворянами, господами, князьями, герцогами и высокопоставленными официальными лицами» [1, с. 151]. В то же время многие военачальники и могущественные князья, проигрывая сражения, попадали в немилость, опалу и теряли свое социальное положение.

Другим типичным каналом является *церковь*. Церковь также открывает возможность для продвижения наверх людей самых разных социальных страт и положений. Церковь является сильным «лифтом» для восхождения, особенно в периоды, когда она пользуется влиянием в государстве, но она же и эффективный канал для мобильности нисходящей: обвиненный в ереси, как правило, не удерживается у власти и вообще в верхних слоях государства.

Эффективным каналом вертикальной мобильности служит *школа*. Так, в Китае существовала система селекции через школы, которые Конфуций считал не только системой образования, но и системой выборов. Политическая доктрина Конфуция вообще не предполагает наследственной аристократии. Образовательный тест (экзамены) выполнял роль всеобщего избирательного права. В индийском обществе просвещение и обучение считались «вторым рождением» — более главным, чем рождение физическое. Однако в Индии не было демократии в образовании, как в Китае: для некоторых каст образование было запрещено. В современных обществах без диплома вход в некоторые профессии и на некоторые должности абсолютно невозможен.

Каналом социальной мобильности в современном мире являются разного рода *партии и движения*, играющие большую роль в политической жизни некоторых обществ. Для лиц творческого труда важно вхождение в *профессиональную группу*, так как без поддержки той или другой творческой корпорации трудно устроить выставку, издать книгу и т.п., тем более что именно такая корпорация является одновременно и главным «жюри», оценивающим способности и мастерство каждого своего члена.

От оценки профессионалов профессионалами мы переходим к важному принципу работы каналов социальной мобильности — к *принципу селекции*, без которого никакой канал не мог бы эффективно выполнять свои функции в обществе. Задача канала социальной мобильности не только в тестировании способностей индивидов как таковых, но и в отборе тех способностей и знаний, которые необходимы для выполнения различных функций: профессиональных, политических и прочих, а также в распределении индивидов по тем позициям, на которых они могли бы эти функции осуществлять. Поэтому в каждом канале имеется система «сит» для «просеивания» претендентов на те или иные позиции.

Таким «ситом» является прежде всего *семья*. «Хорошее происхождение» во всех странах принимается как доброе удостоверение вероятных качеств личности, ибо именно семья более всего формирует личность человека, особенно в период его детства, прививая ему установки и ценности, многие из которых остаются в человеке на всю жизнь. К человеку же из бедной и малоизвестной семьи уже нет такого внимания, а «плохое происхождение» оставляет пятно на всю жизнь. Причем в обоих случаях считается, что качества личности в значительной степени предсказуемы.

В системе образования тестируемыми качествами оказываются преимущественно те знания и навыки, которым в ней обучают индивида, хотя личностные качества также проходят коррекцию: учебные заведения могут прививать своим воспитанникам определенные ценности и установки, вплоть до манер поведения, по которым их выпускников можно уверенно отличать от других. «Сито» образовательной системы составляют экзамены и тестирование, ко-

торые «отсеивают» неуспешных учеников. При этом проверяются и знания, и способности. «*Фундаментальная социальная функция школы заключается не только в том, чтобы выяснить, усвоил ли ученик часть учебников или нет, но и в том, чтобы посредством всех ее экзаменов и нравственного наблюдения определить, во-первых, какие из учеников одарены, а какие нет, какими способностями обладает каждый ученик и в какой степени, какие из них являются здоровыми в социальном и нравственном отношениях. Во-вторых, эта функция заключается в том, чтобы исключить тех, у кого нет желательных интеллектуальных и моральных качеств. В-третьих... способствовать продвижению тех, кто во время учебы проявил общие и особые способности, соответствующие определенному социальному положению*» [1, с. 174]. Сорокин при этом обращает внимание на «тот факт, что вопреки общепринятому мнению всеобщее образование ведет не столько к уничтожению умственных и социальных различий, сколько к их усилению. Школа, даже самая демократичная, открытая каждому, если она правильно выполняет свою задачу, является механизмом “аристократизации” и стратификации общества, а не “уравнивания” и “демократизации”» [1, с. 175].

Но наиболее сильным «ситом», тестирующим моральные качества индивидов, обладает церковь, поскольку церковное мнение о человеке влияет не только на его положение внутри церковной иерархии, но и на его положение в обществе. Описывая, какую школу проходил человек в касте брахманов, Сорокин отмечает, что современная школа не требует каких-то особых моральных качеств от индивида, что оказывает влияние на общество как целое: «верхние слои общества, пополняясь за счет именно таких людей (выпускников современных школ), которые, проявляя хорошие интеллектуальные способности, демонстрируют при этом заметную моральную слабость: алчность, коррупцию, демагогию, сексуальную распущенность, стремление к накопительству и материальным благам (часто за счет общественных ценностей), нечестность, цинизм [1, с. 181]. Такая школа не может, подчеркивает Сорокин, улучшить моральный дух населения в целом.

У образовательной системы (включая профессиональную) есть и еще одна важная функция — регулировать численность верхних слоев общества по отношению к его нижним слоям. Общее увеличение верхних слоев приводит к усилению давления их на другие слои общества и делает всю стратификационную конструкцию неустойчивой и тяжелой. А профессиональное перепроизводство специалистов приводит к усилению конкуренции между ними и также делает общество нестабильным.

Во всех случаях реформаторы, утверждает Сорокин, должны представлять себе эту систему «отбора» индивидов в верхние страты общества. «В конечном итоге историю делают люди. Люди, занимающие положение, которому они не соответствуют, запросто могут уничтожить общество, но они не могут создать

ничего ценного, и наоборот» [1, с. 194]. Вся эта система, сложившаяся в обществе с ее «лифтами» и «фильтрами», очень сильно влияет на состояние как верхних, так и нижних слоев общества, обеспечивая их моральное и культурное состояние, а также их настроенность, умиротворенность или раздраженность, что, естественно, непосредственно сказывается на состоянии всего общества, а также на его исторической судьбе.

Разработанная П.А. Сорокиным теоретическая концепция скоро дополнилась эмпирикой. Уже в 1930-е гг. видный антрополог Уильям Ллойд Уорнер, получивший предложение исследовать социальную стратификацию США, подошел к объекту так, как в свое время предлагал подходить Дюркгейм: как если бы нам ничего не было известно об объекте, называемом «социальная стратификация США».

У. Уорнер исходил из постулата, что предметом эмпирического исследования не может быть социальная структура американского общества в целом. Однако вполне можно исследовать отдельную общину или несколько общин, которые и должны дать нам представление о стратификации общества в целом. Другой постулат заключался в том, что общину нужно начинать исследовать не с ее истории и свойственных только ей конкретные особенностей, а подходить к ней как к действующему целому, т.е. изучать в ней «совокупную систему взаимодействий» [4, р. 14]. И все явления этой системы нужно объяснять, исходя из той функции, которую они выполняют для того, чтобы система могла существовать, т.е. быть устойчивой. В качестве постулата было принято утверждение о том, что в любой общине должны существовать четыре типа социальной структуры (как необходимые): семья, союз (ассоциация), церковь и класс. Эти фундаментальные структуры задают основную сферу поведения индивида, и «с ними связаны в конечном счете факторы, определяющие его социальное поведение» [4, р. 35].

Для исследования были выбраны 3 города: Ньюбэрипорт (портовый город в Массачусетсе с 17 тыс. жителей); городок на юге США, условно названный «Олд-сити» (10 тыс. жителей); Моррис (названный Джоннесвиллем, городок с 10 тыс. населения на Среднем Западе). Наиболее известны материалы исследования в Ньюбэрипорте, проходившем под «псевдонимом» «Янки-сити».

Изначальное предположение исследователей, что социальное положение человека определяется экономическими и профессиональными его характеристиками, не вполне оправдалось. При опросе респонденты, оценивающие это положение «разнесли» рабочих и предпринимателей по трем разным классам. Явно обнаружился латентный фактор, дополнительно определяющий социальное положение. У. Уорнер констатировал, что социальная оценка данного человека другими ориентирована на определенные типичные для данной классовой системы способы поведения оцениваемого, поэтому типы поведения индивида также следует принимать в расчет [4, р. 82].

Таким образом, У. Уорнер сформулировал основные характеристики социального класса: это слои населения, различающиеся более высоким или более низким положением индивидов, их составляющих. Слой в принципе достаточно замкнут, хотя движения вверх и вниз по социальной лестнице возможны. Различие рангов вызывается тем, что в классовом обществе «права» и «обязанности» распределены неравномерно. Семья, как правило, находится внутри одного и того же класса, и дети наследуют статус родителей при начале своего движения по социальной лестнице.

В дальнейшем У. Уорнер признал не подтвердившейся гипотезу о том, что представления людей о тех или иных социальных классах определяются типичными для данного класса экономическими условиями: тесной связи с экономическими факторами обнаружено не было. Здесь нужно учитывать, что ученый придерживался веберовской концепции стратификации и исходно задавал свои классы не по субъективному критерию, а именно *по социальному престижу*. Именно эта характеристика закрепилась за понятием «социальный класс» в американской социологии. Принятая градация классов на «нижних нижних», «верхних нижних», «нижних средних» и т.д. — это совсем не то понятие, которое сформулировал К. Маркс, и даже не то, которое сформулировал М. Вебер (хотя оно близко к его «сословию»). Социальный престиж измеряется оценкой одних людей другими, точнее, взаимной оценкой членов одного и того же общества. Огромное достижение У. Уорнера заключается в том, что он впервые в исследовании социальной стратификации использовал взаимные оценки представителей различных страт.

Инструментарий складывался и «доводился» практически на ходу. Человека причисляли к тому или иному социальному слою в результате применения нескольких процедур: 1) выявленные посредством интервью представления различных людей о том или ином человеке (или людях) сравнивались и соотносились друг с другом; 2) принимались во внимание символы, которыми отмечали респонденты тех или иных кандидатов в соответствующие классы; 3) измерялась статусная репутация семьи или индивида: репутация складывалась на основании их участия в общественной жизни города; 4) применялся метод сравнения: информанта спрашивали, выше или ниже расположено данное лицо по отношению к тем или иным лицам; 5) использовался метод «простого зачисления в класс» проинструктированным респондентом или респондентом-экспертом (но не самими исследователями); 6) наконец, существовало еще и оценивание при помощи «институционального членства», т.е. по принадлежности к тем или иным изначально заданным фундаментальным структурам — семьям, ассоциациям, церквам (сектам) и кругам общения. Эти шесть методов, связанные в единую систему, были названы «методом оцениваемого участия» [5, р. 37].

Оценки применялись не только к конкретным лицам, но и к самим критериям оценивания. В результате выявились наиболее сильные отдельные критерии (наряду с доходом и профессией): а) тип жилья; б) место жительства (внутри исследуемого района); в) вид полученного образования; г) манеры поведения. Применив эти критерии, исследователи смогли довольно точно расположить ранжируемых индивидов по их социальному положению [5, р. 90]. Другими словами, *престижные оценки были приняты за главный синтетический показатель, чем и было соблюдено положение Дюркгейма, что общество — это прежде всего социальные или коллективные представления, а все остальное определяется уже относительно этих представлений.*

Для облегчения работы исследователей, которые хотели бы повторить этот эксперимент, был составлен так называемый индекс Уорнера. Его можно применить, не производя трудоемких процедур с опросом многочисленных респондентов. Просто относительно каждого индивида, положение которого собираются измерить, определяется: профессия, место жительства, источник дохода, обстановка квартиры (по наличию определенных показателей). Уорнер и его сотрудники утверждали, что для США в те годы, когда проводилось исследование, эти показатели довольно точно отражали оценки престижа. Иногда добавлялся, как мы видели, уровень образования. Но достаточными были признаны указанные четыре показателя. Впрочем, Уорнер и его сотрудники всегда предупреждали, что эти характеристики работают только в США, а для других стран и культур могут потребоваться другие характеристики. В частности, У. Уорнер предполагал, что, например, для стран Европы, более весомым может оказаться именно образование.

Любопытно, что люди, входившие в те или иные социальные классы, изо дня в день осуществляли характерное «классовое» поведение, не имея в то же время никакого определенного представления о классе, что указывает на факт существования социальных представлений на вполне бессознательном уровне. Кстати, теперь обычно понятие о классе, к которому он принадлежит, входит в сознание человека, поскольку много об этом говорится и понятие, так сказать, всегда на слуху. Общая картина классового распределения населения города в Янки-сити оказалась в конечном счете следующей:

- верхний верхний класс (ВВ) — 1,44%;
- нижний верхний класс (НВ) — 1,56%;
- верхний средний класс (ВС) — 10,22%;
- нижний средний класс (НС) — 28,12%;
- верхний нижний класс (ВН) — 32,60%;
- нижний нижний класс (НН) — 25,22%
- не классифицировано — 0,84 % [4, р. 88].

Верхний верхний класс оказался в наличии не во всех обследованных городах, так как ему, наряду с экономическими и прочими показателями социального престижа, приписывали дополнительную характеристику: он состоял из семей «старых поселенцев», т.е. потомков переселенцев в Америку XVII–XVIII вв. В двух обследованных городах таких семей попросту не оказалось, и там получилась пятиклассная социальная система.

Уже на первых стадиях своего исследования Уорнер установил, что члены каждого социального класса проявляют некоторую однородность как в своих действиях, так и в образе мышления. Но в то же время выявилась и определенная дифференциация по этому признаку внутри каждого класса [4, р. 3]. Проведя гигантскую работу, авторы пришли к выводу, что наиболее явную роль в движении индивида по статусам внутри класса играют семья, ассоциация и круги общения. «Поскольку индивид принадлежит к различным структурам... он участвует в большом количестве социальных ситуаций в одно и то же время. Ранг его (принадлежность к определенному социальному классу) остается при этом неизменным, но положение внутри этого ранга постоянно меняется. Все время социальные статусы, образующие как бы ареал его участия (в социальной жизни общины), продолжают влиять на его поведение; они все время зависят друг от друга в его жизни, так же, как и в жизни других индивидов, являющихся членами данной социальной системы» [4, р. 15]. Наиболее развитыми и сильными контактами, как установили социологи, отличаются средние классы, причем контакты эти выходят иногда довольно далеко за пределы их собственного класса. Уорнер усматривал в этом определенные предпосылки для восходящей мобильности. Такие контакты дают индивиду возможность усваивать ценности и образцы поведения более высоких классов и тем самым получать признание членом этих классов. Поэтому вывод о том, что участие индивида во всех этих кругах общения и ассоциациях не только дает окружающим точки отсчета для отнесения его к тому или иному классу, но и служит продвижению или закреплению его на новых, более высоких статусах, оказывается вполне обоснованным.

Семья — это наиболее надежный «подъемный механизм», хотя, может быть, и не такой уж быстрый. Семья дает начальный статус детям. Двигаться вверх индивид может только одновременно со своей семьей, когда движение касается перехода из класса в класс. Переход в более высокий класс вместе с семьей закрепляет новое положение индивида.

Круги общения, по наблюдению исследователей, оказались образованиями неформальными, не слишком устойчивыми, не очень обширными (хотя в некоторых случаях достигали 30 чел.), зато сильно эмоционально окрашенными. Смысл круга исключительно в общении друг с другом. Встречи его членов нерегулярны, никакого специального режима работы круга не существует. Часто индивид, стремясь соответствовать ожиданиям своего круга, может даже в

какой-то степени пренебрегать интересами собственной семьи, поэтому очевидно, что такие круги очень сильно определяют поведение своих членов. Принадлежность к такому кругу дает индивиду ощущение уверенности в своем социальном статусе. Принятие человека в тот или иной круг общения или изгнание из него явно способствуют или препятствуют его социальной мобильности [4, р. 111].

Подобную роль играют и *ассоциации* (добровольные общественные объединения), в которых участвует (или не участвует) индивид. Ассоциация — это образование другого типа: во-первых, она официальна до определенной степени, поскольку имеет обычно свой устав и другие документы, удостоверяющие ее статус; во-вторых, она собирается, как правило, более или менее регулярно и имеет свой план работы. Отношения внутри нее не окрашены так эмоционально, как в кругах общения; в-третьих, она более обширна и более устойчива в своем существовании. В ней также более разнообразны контакты человека с представителями других кругов. Некоторые из ассоциаций дают человеку статус уже одним фактом вхождения в них: это закрытые эксклюзивные клубы (как мы помним, Макс Вебер сообщает, что он слышал про один случай, когда молодой человек, не получив возможности вступить в такой клуб, покончил с собой). Но существуют и более широкие и принципиально открытые организации, куда могут входить и люди из нижних слоев. Это обычно организации политические, ведущие время от времени какие-то кампании в поддержку того или иного билля, той или иной партии. Тем не менее открытость все равно предполагает определенный контроль: «члены из низших слоев кастовой системы контролируются членами из более высоких слоев и подчиняются им» [4, р. 111].

Очень любопытные данные дал анализ поведения социальной системы во время стачки обувщиков 1930 г. Стачка разразилась совершенно неожиданно для исследователей, но они быстро сориентировались и успели опросить довольно много рабочих, предпринимателей и просто жителей городка, втянутых до определенной степени в возникшую ситуацию (это был город, где обувная промышленность была основной отраслью).

Опросы показали причину стачки: прогрессирующий процесс механизации производства привел к слому иерархии рабочих по мастерству. Опыт и искусство перестали иметь значение, поскольку операции выполнялись машинами, а обслуживать такие машины могли люди, не имеющие вообще никакого опыта в обувном деле. Стачка привела к консолидации рабочих, так что во всех трех классах, в которые входили рабочие (от нижнего нижнего до нижнего среднего), образовались как бы секторы рабочих, проявивших тяготение друг к другу по вертикали [3, р. 6]. В результате стачки образовалась еще одна большая и открытая ассоциация в городе — профсоюз обувщиков, который продолжил свое существование и после стачки, до определенной степени смещая социальную

структуру. Но что более интересно, эта ассоциация довольно быстро вошла в контакт с подобными же профсоюзами других городов и волилась в общегосударственное профсоюзное движение. Таким образом, обувщики трех нижних классов как бы почувствовали в каком-то смысле свое единство и образовали особый отряд рабочего класса (не переставая в то же время быть членами своих социальных классов), который проявил ориентацию на нижний верхний класс. «Такое поведение обувщиков в социальной жизни общины предполагает, что рабочая солидарность, складывающаяся на предприятиях, влияет и на поведение рабочих за рамками предприятий», — сделал вывод У. Уорнер [3, р. 6]. Таким образом, было показано, что социальная структура способна трансформироваться в ответ на различные воздействия извне, не переставая в то же время оставаться достаточно устойчивой.

Эмпирическое исследование У. Уорнера, подобно хотторнскому эксперименту, оказало огромное влияние на выработку научных методов и научных точек зрения. То, что У. Уорнер отказался от каких бы то ни было теорий классовой структуры, оказалось, с одной стороны, необычайно положительным обстоятельством: он смотрел на материал без всякой заранее заданной схемы и без какой-то ни было предубежденности, что позволяло гибко менять подходы и развивать методiku, приспособляясь к вновь выявленным факторам. А с другой стороны, это оставило исследователей в некоторых случаях беспомощными при попытке интерпретировать обнаруженные факты.

* * *

Подходы к исследованию социальной стратификации, разработанные П. Сорокиным и У. Уорнером, весьма актуальны для современного российского контекста. Долгое время у нас в стране считалось, что существует два класса в обществе, строящем социализм (а позднее и в обществе развитого социализма) — рабочие и крестьяне; помимо них выделялась «прослойка» — интеллигенция. В одной из работ крупного отечественного социолога можно было найти даже такое выражение: «советский рабочий класс управляет у нас государством непосредственно *через* воспитанную им интеллигенцию». Но с тех пор прошло немало лет, а мы по-прежнему ведем дискуссии о российском среднем классе, пользуясь в качестве критерия только характеристиками материального положения и профессии (в значительно меньшем объеме). И можно услышать, например, такие суждения, что, российские учителя потеряли свое положение в среднем классе, потому что им «так мало платят». Потеряли ли они тем самым и свой образ жизни и свой способ мышления? Этот вопрос никем не ставится. А это-то как раз наиболее интересно: теряет ли действительно индивид свой классовый ранг вместе с ухудшением своего материального положения (поскольку очевидно, что профессию он не теряет)? И до какой степени ухудшение его материального положения не влияет на его классовый

ранг? Это именно сейчас можно исследовать, поскольку сама жизнь поставила нам такой эксперимент.

Библиографический список

1. *Сорокин П.А.* Социальная мобильность. М.: Academia, 2005 (Sorokin P.A. Social mobility. N.Y.; L.: Harper & Brothers, 1927).
2. *Bryce J.* Modern Democracies. N.Y.: Macmillan, 1921. Vol. 2. P. 549–550.
3. *Warner W.L., Low J.O.* The Social System of the Modern Factory. The Strike: a Social Analysis. New Haven: Yale University Press; L.: G. Cumberlege, Oxford University Press, 1947.
4. *Warner W.L., Lunt P.S.* The Social Life of a Modern Community. New Haven: Yale university press; L.: H. Milford, Oxford university press, 1941.
5. *Warner W.L., Meeker M., Eells K.* Social Class in America: a Manual of Procedure for the Measurement of Social Status. Chicago: Science Research Associates, 1949.